

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

I.

Милостивый Государь!

Я должна написать нѣсколько словъ истины, по поводу статьи г-на Бориса Соколова «Паденіе Сѣверной Области», помѣщенной въ IX томѣ Архива Русской Революціи.

Дѣлаю я это съ такимъ большимъ запозданіемъ потому, что поступивъ два года тому назадъ въ монастырь, я перестала читать свѣтскую литературу, и о статьѣ г-на Соколова я узнала только теперь отъ моихъ друзей.

* * *

Г-нъ Б. Соколовъ пишетъ: «Первымъ уѣхалъ изъ Сѣверной Области генералъ Ключевъ, получившій весьма загадочную командировку и весьма реальный чекъ на шведскія кроны».

Это — ложь. Первымъ уѣхалъ генералъ Бемъ. Я не знаю подробностей его командировки, знаю только, что поѣхалъ онъ въ Финляндію.

Вторымъ уѣхалъ главноуполномоченный Краснаго Креста Сѣверной Области К. П. Шабельскій въ Швецію.

Мой мужъ уѣхалъ третьимъ, въ срединѣ января, въ командировку въ Карелию, въ Ухту, чтобы установить дружескія сношенія съ карелами. Это было, конечно, слишкомъ поздно, такъ какъ вліяніе Финляндіи всецѣло господствовало въ Карелии, но думали вѣрно, что лучше поздно, чѣмъ никогда. Командировка была не загадочная, хотя, конечно, широкимъ массамъ публики она и не была извѣстна, а реальный чекъ на шведскія кроны состоялъ изъ ящика со спиртомъ и табакомъ.

Когда уѣзжалъ мужъ, онъ предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ; командировка должна была продолжиться 3—4 недѣли. Поѣздка была интересная: на лошадахъ, гужемъ, по дремучимъ лѣсамъ Сѣвера, по замерзшимъ рѣкамъ и озерамъ, черезъ интересныя сѣверныя деревни, съ ихъ своеобразными старинными храмами.

Въ это время я была старшей сестрой лазарета Краснаго Креста въ Архангельскѣ; дѣла было много, и я сказала мужу, что это меня удерживаетъ отъ поѣздки. Но главная причина моего нежеланія ѣхать съ мужемъ была та, что неминуемо начались бы разговоры о томъ, что генералъ Ключевъ бѣжалъ изъ Сѣверной Области, (что говорили объ уѣхавшихъ до него!). А тотъ фактъ, что я оставалась въ Архангельскѣ, казалось мнѣ, дѣлалъ эти вымыслы неправдоподобными.

Въ началѣ февраля произошелъ бунтъ въ 3-мъ Стрѣлковомъ полку на фронтѣ, и тогда я поняла, что близокъ грозный призракъ неизбѣжнаго.

17-го февраля, когда я была въ лазаретѣ, меня по телефону просили притти въ Управленіе Краснаго Креста. Я нашла тамъ всѣхъ очень возбужденными. Уполномоченный И. И. Фидлеръ сразу сказалъ мнѣ, что дѣла наши плохи, ежедневно можно ожидать, что войска откроютъ фронтъ; что эвакуація неизбѣжна и просилъ меня, какъ старшую сестру лазарета, ѣхать съ ранеными лазарета на ледоколѣ. Я отвѣтила согласіемъ.

А вечеромъ уполномоченный мнѣ уже сказалъ, что лучше мнѣ ѣхать сухимъ путемъ на станцію Сороки, Мурманской желѣзной дороги; я отвѣтила, что подчиняюсь его рѣшенію. Во время разговора подошелъ г-нъ Соколовъ и, заикаясь еще болѣе сильно, чѣмъ всегда, сталъ говорить, что мнѣ гораздо лучше ѣхать сухимъ путемъ, что меня Красный Крестъ проситъ объ этомъ. Говорилъ о томъ, чтобы я, если возможно, открыла питательные пункты по направленію къ станціи Сороки. «Возьмите впередъ жалованье за нѣсколько мѣсяцевъ и поѣзжайте» — говорилъ г-нъ Соколовъ.

«Я работаю безъ жалованья» — сухо отвѣтила я ему.

Я заѣхала въ лазаретъ проститься со всѣми сестрами. На другой день меня снабдили необходимыми бумагами и большой суммой Чайковокъ (деньги Сѣверной Области). Со мною ѣхали двѣ сестры, санитаръ съ продуктами и молодой неопытный офицеръ, назначенный въ помощь намъ изъ штаба. Въ сильнѣйшій морозъ и снѣжную вьюгу, мы выѣхали изъ Архангельска 18-го февраля. Уѣзжали мы изъ Управленія Краснаго Креста, простившись со всѣми служащими тамъ, въ томъ числѣ и съ г-номъ Соколовымъ.

Но все это онъ забылъ. И пишетъ, что въ числѣ бѣжавшихъ изъ Архангельска была жена генерала Клюева.

* * *

Переворотъ засталъ моего мужа въ Кеми, на обратномъ пути въ Архангельскъ, и онъ повернулъ снова въ Карелию, стараясь пробраться въ Финляндію, что ему и удалось, послѣ невѣроятныхъ мученій, когда онъ большую часть пути шелъ пѣшкомъ, съ язвами на ногахъ, въ страшный морозъ, пока группа офицеровъ, ѣхавшихъ тѣмъ же путемъ, не согласилась взять его въ свои сани.

Въ Финляндіи онъ былъ интернированъ въ лагерь, вмѣстѣ со всѣми офицерами Сѣверной Области; больной, измученный, въ самыхъ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ. Послѣ долгихъ усилій, удалось получить для мужа разрѣшеніе финскихъ властей жить внѣ лагеря, и онъ поселился въ Борго.

Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ на мѣсто генерала Бемъ (уѣхавшаго въ Парижъ) представителемъ генерала Миллера въ Финляндіи, для оказанія помощи и раздачи пособій офицерамъ и осиротѣвшимъ семьямъ офицеровъ Сѣверной Области. Эту должность онъ занималъ до своей смерти, въ декабрѣ 1921 года.

Меня и двухъ сестеръ, ѣхавшихъ со мною, арестовали въ маленькой деревушкѣ, не доѣзжая Сорокъ, и повезли на другой день съ часовымъ въ Сороки. На желѣзнодорожной станціи развѣвался красный флагъ, съ надписью: «нѣтъ больше голодныхъ», и желѣзнодорожные мастера, составившіе мѣстную совѣтскую власть, дѣлали намъ допросъ. Всѣ деньги отъ насъ отобрали, бумаги мы уничтожили сами раньше. Шесть кошмарныхъ дней мы провели въ баракѣ для арестованныхъ. Потомъ меня перевели въ желѣзнодорожную больницу; такъ какъ еще въ дорогѣ я заболѣла испанкой, перешедшей въ крупозное воспаленіе легкихъ. Помѣстивъ меня въ больницу, обо мнѣ забыли, и это было моимъ спасеніемъ. Я пролежала тамъ 8 мѣсяцевъ, въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Послѣ воспаленія легкихъ у меня совершенно отнялись ноги и руки. Лѣченія не было никакого, кромѣ горячей ванны, въ которую меня часто сажали, не смѣнивъ воду послѣ цынготныхъ больныхъ, съ открытыми язвами на тѣлѣ. Рядомъ съ женской палатой, гдѣ были больные и хирургическіе, и съ внутренними болѣзнями, и гдѣ лежали и роженицы со своими грудными младенцами — помѣщались больные красноармейцы. Больница была простой бревенчатый баракъ, въ которомъ были, конечно, и клопы, и вши. Для меня лично, все это было скрашено трогательнымъ отношеніемъ ко мнѣ сидѣлокъ, которыхъ всегда вспоминаю съ теплымъ чувствомъ благодарности въ своихъ молитвахъ. У меня не было ни гроша денегъ. Изъ вещей, кромѣ нѣсколькихъ смѣнъ бѣлья, все было брошено по дорогѣ; отблагодарить я ихъ ничѣмъ не могла, и онѣ, съ полнымъ безкорыстіемъ одѣвали, поили, кормили меня и ухаживали за мной. Когда наступила весна, онѣ по собственной инициативѣ, выносили меня на носилкахъ во дворъ, гдѣ я все-таки радовалась солнцу, голубой дали и зеленѣющей травкѣ.

Осенью меня перевезли въ Петрозаводскъ, тоже въ желѣзнодорожную больницу, а оттуда друзьямъ моимъ удалось меня перевезти въ Петроградъ. И тогда только мужъ мой и я узнали другъ о другѣ.

Весной 1921 года мужъ устроилъ мое бѣгство въ Финляндію. Черезъ границу, черезъ рѣчку, меня несли на носилкахъ, въ туманной ночной мглѣ, неизвѣстные мнѣ люди, и первые шаги я сдѣлала въ Финляндіи, послѣ усиленнаго лѣченія, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, а ходить безъ палокъ я стала уже пріѣхавъ въ монастырь

Вотъ истина! И это все, что я хотѣла написать.

Зинаида Клюева.

Сентябрь, 1924 г.

Милостивый Государь!

Въ статьѣ Б. Б—скаго «Судъ надъ Мясоѣдовымъ (Архивъ Рус. Рев., т. XIV) имѣются слѣдующія строки:

«Сухомлиновъ далъ ему рекомендательное письмо къ командующему X арміей генералу Сиверсу. Послѣдній не могъ отказать лицу съ такой солидной рекомендаціей и взялъ Мясоѣдова въ штабъ арміи, поручивъ ему агентурную развѣдку, такъ какъ это дѣло ему, бывшему жандармскому офицеру, да еще служившему въ мирное время въ томъ же районѣ, гдѣ дѣйствовала X армія, было болѣе знакомо, чѣмъ какая-либо другая отрасль службы...»

Сообщая эти свѣдѣнія, полученные несомнѣнно изъ недостоверныхъ источниковъ, Б. Б—скій былъ введенъ въ заблужденіе. Я не знаю, живъ ли въ настоящее время генералъ Сиверсъ, которому принадлежитъ право отвѣта на эти строки, и позволяю себѣ, какъ бывшему въ тѣ времена генералъ-квартирмейстеромъ штаба X арміи, внести въ статью Б. Б—скаго нижеслѣдующія поправки:

1. Подполковникъ Мясоѣдовъ попалъ въ штабъ X арміи съ согласіемъ тогдашняго начальника штаба арміи генерала Одишелидзе. Это согласіе было получено Мясоѣдовымъ во время совмѣстной поѣздки въ вагонѣ желѣзной дороги въ то время, когда Одишелидзе былъ только что назначенъ начальникомъ штаба арміи и ѣхалъ къ мѣсту расположенія послѣдняго въ Красностокскомъ монастырѣ, около крѣпости Гродно.

Насколько мнѣ извѣстно, генералъ Одишелидзе, служившій все время на Дальнемъ Востокѣ и въ Туркестанѣ, совершенно не зналъ, что такое представлялъ Мясоѣдовъ, и далъ свое согласіе, такъ какъ зналъ, что въ штабѣ много незанятыхъ вакансій и нужны офицеры со знаніемъ нѣмецкаго языка.

2. Генералъ Сиверсъ узналъ о назначеніи Мясоѣдова только тогда, когда объ этомъ состоялся приказъ. Онъ былъ крайне недоволенъ, раздраженъ, и не опротестовалъ приказа только ради сохраненія авторитета генерала Одишелидзе, но запретилъ держать Мясоѣдова при штабѣ даже въ теченіе однѣхъ сутокъ, приказавъ удалить его въ какой-нибудь маленькій штабъ, гдѣ и держать не у дѣль, употребляя только для переводовъ нѣмецкихъ газетъ.

Свое предубѣжденіе противъ Мясоѣдова, генералъ Сиверсъ объяснялъ тѣмъ, что «этотъ пакостникъ присланъ своимъ пакостнымъ покровителемъ Сухомлиновымъ для какихъ-либо гадкихъ дѣлъ по шпіонству за распоряженіями Ставки и Великаго Князя Главнокомандующаго, противъ котораго Сухомлиновская клика все время вела подкопы и интриги».

Въ силу приказа генерала Сиверса, Мясоѣдовъ, въ самый день своего прибытія къ штабу X арміи, былъ откомандированъ въ штабъ 57 дивизіи, гдѣ и находился все время, вплоть до начала секретнаго о немъ разслѣдованія и перевода его въ Ковну.

3. Генералъ Сиверсъ отличался рѣдкой самостоятельностью; для него были безразличны какія бы то ни было протекціи. Никакихъ рекомендацій о Мясоѣдовѣ онъ отъ Сухомлинова не получалъ, а если бы и получилъ когда-либо что-нибудь, происходящее отъ Сухомлинова, то это привело бы только къ отрицательнымъ послѣдствіямъ для рекомендуемаго, ибо генералъ Сиверсъ глубоко презиралъ Сухомлинова, говорилъ о немъ съ чувствомъ гадливости и считалъ его опереточнымъ министромъ и легкомысленнымъ погубителемъ русской вооруженной силы.

4. Мясоѣдовъ числился на должности переводчика; никакихъ порученій по развѣдкѣ на него не возлагалось, за исключеніемъ только полученія отъ него свѣдѣній о нашихъ зарубежныхъ сектантскихъ эмигрантахъ, жившихъ въ районѣ Мазурскихъ озеръ.

Первой и послѣдней командировкой Мясоѣдова по развѣдкѣ была его поѣздка въ Ковну, куда онъ былъ посланъ по приказанію слѣдившихъ за нимъ агентовъ Ставки и штаба X арміи, для приближенія его къ мѣстамъ работы нѣмецкихъ шпіонскихъ организацій и для выясненія всѣхъ участниковъ.

Генералъ - лейтенантъ баронъ Будбергъ.